

материальной культуры и надежде, что память о героях далекой войны сохраняется и будет сохраняться в последующих поколениях.

1. Шабалина Л. «Библиотека на Сухаревке» // http://www.art.uralinfo.ru/literat/Ur_sled/1999/03/9903-06.html.
2. Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2000. С. 240.
3. Шабалина Л. «Библиотека на Сухаревке» // Указ. сайт
4. Евгений Потоков (Половинкин) Сообщение // Зауральский край. 1915. 8. февраля.
5. Южноуральцы в войне 1904-1905 гг. // www.rusk.ru/st.php?idar=800816.
6. В Травниках восстановлен единственный на Урале памятник казакам // uri.uu.ru:8100/11-05-2000.htm.
7. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1910 год. Пермь, 1909. С. 142.
8. Указ. соч. Хроника событий и общественной жизни г. Перми и Пермской губернии. С. 126.
9. Екатеринбургские епархиальные ведомости. Екатеринбург, 1909. №32. С. 518.
10. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1910 год. Пермь. 1910. С. 43.
11. Екатеринбургские епархиальные ведомости. Екатеринбург, 1905. №14. С. 331.
12. 2-я Екатеринбургская женская гимназия (352 чел. на 1907 г.) открылась в 1903 году из-за переполненности Женской гимназии, сначала в статусе прогимназии до 1907 года. Большую часть расходов на ее содержание несло земство, 1/3 – городское общество.
13. Линеви́ч (Леневи́ч) Никола́й Петро́вич (1839-1908) – генерал от инфантерии (1903), в годы Русско-японской войны – командующий Маньчжурской и 1-й Маньчжурской армиями, с марта 1905-го – главнокомандующий вооруженными силами Дальнего Востока.
14. Отчёт Екатеринбургской Городской Управы о движении денежных средств, капиталов и имущества г. Екатеринбурга за 1907 г. Екатеринбург, 1910. С. 156.
15. Синцов В. Герои Цусимы // Военный железнодорожник. 1992. №18. (апрель). С.2.

**Сигнаевская О.Р.
(Екатеринбург)**

**Философско-методологические аспекты кризиса
исторической науки XXI века (История Церкви)**

и российской государственности: полипарадигмальная методология)

Современное состояние исторической науки в целом, а отечественной, в частности, характеризуется как кризисное. Общенаучный кризис, затронув первоначально естественные науки, позднее проявился в области гуманитарных и социальных наук. В основе всеобщего кризисного явления внутри науки лежат процессы экономической, политической, образовательной глобализации, формирования единого информационного пространства, международная интеграция научного знания и процессов познания действительности. Активно развиваясь со второй половины XX века, кризис способствовал крушению предшествовавших научных парадигм (Т. Кун), формированию новых методологических установок, обновлению категориального аппарата, вовлечению в научный оборот новых источников познания, новых методов их обработки.

Справедливо отметить, что проявления кризиса исторической науки в школах России (СССР) и за рубежом было разным. Западная историография в течение XX века имела большую динамику и сменила несколько научных парадигм (позитивизм, социологическая школа, постмодернизм, герменевтика, синергетика). В СССР утвердившаяся в 1920-х – 30-х гг. «единственно верная» методология марксизма-ленинизма стала всеобъемлющей основой для исследователей отечественной истории. Указанный факт приводил к отрыву от мировой исторической науки и к маргинальному провинциализму, особенно в своей боготорческой основе.

Преодоление маргинальности отечественного исторического знания как, в первую очередь, политического заказа, как и впрочем всего социально-гуманитарного образования – генеральная задача современного научного сообщества. Самосознание гуманитарной интеллигенции России столь политизировано и ограничено искусственными идеологемами (в худшем случае прагматизмом и своекорыстьем одурачивания «простецов» псевдонаучными и совершенно пустыми в плане культурного и научного смысла хитросплетениями) уходящей исторической эпохи или фанатичной преданностью, с одной стороны, вроде как атеистической (что не синоним научной), а с другой, если копнуть глубже, совершенно магической оккультной экспансией космополитизма в русле

вселенской гуманизации Планета - Земля, столь далеко от реальных достижений мировой культуры, ключом к которым выступало и выступает христианство, настолько оторвано от корней духовной и нравственной традиции народа, что если определять указанную социальную группу в качестве «национального истеблишмента», и национальной интеллектуальной элиты государства, то становится очевидными слова академика Лихачева: «Россия, ты сошла с ума».

Особенно видится это опасным для системы образования, где историческая наука, если говорить о воспитании имеет и будет иметь лидирующее основополагающее значение. Гуманитарный хаос текстов, подходов к их осмыслению, предлагаемый современному студенту (будь то прочтение философских или исторических текстов) изначально не может сложиться в единую целостную нравственно-этическую картину мира. Хотя достижение данной задачи цель гуманитарного образования по определению. Складывается живое ощущение, что задача и средней, и высшей школы учить и учить, но при этом так туманно и хитро, чтобы никогда ничему не научить, чтобы каждая дисциплина начиналась с чистого листа и рассматривалась как самая сложная, самодостаточная и самодовлеющая.

При таком подходе человек не становится по мере продвижения по своей образовательной траектории интеллектуальным субъектом своей культуры, способным к открытому и плодотворному диалогу с иными культурными и историческими мирами, не учится самостоятельно мыслить и осмыслять действительность и себя в ней, а скорее учится распечатывать какие-то совершенно чуждые и непонятные ему тексты, выдавая их за рефераты, курсовые, дипломы; зачитать на экзамене умные предложения, списанные из брошюры «100 вопросов – 100 ответов» (причем разные издания, в зависимости от пристрастий редактора содержат противоположные высказывания и мнения на исторические факты, которые выдаются студенту как истина в последней инстанции) и т.д. Такова педагогическая реальность...И задача педагогического сообщества вернуть молодому поколению вкус к учебе не только прагматический и коммерческий, но этический. Когда человеку дают не только ремесло, которое его прокормит, но и возвращают человеческое достоинство.

Вернемся к путям преодоления кризиса в отечественной исторической науке в XXI веке. Трудности заключаются не столько в «принятии» или «неприятии» уже готовых методологических находок и подходов в мировой исторической науке, сделанных западной

школой (здесь подвижники есть: декларируется цивилизационный подход, метод исторической антропологии, новое нелинейное мышление, критика теории исторического прогресса и т.д.), сколько овладение этими методами в конкретной культурно-исторической ситуации, развитие нового категорийного аппарата, определение самого предмета исторических исследований.

Важно понять, что в настоящее время не может идти речь о «победе» одного методологического направления (как было с идеологией марксизма или вопроса, что первично материя или сознание? В диалектическом мышлении этих вопросов вообще не существует), важно раскрыть общенаучный потенциал принципа дополнительности в философии науки. Не антагонизм, а ко-эволюция (пусть в контексте Богдановской праксеологии) методологических парадигм, принцип ситуационности в их применении. Действительно, плюрализм в науке – важное приобретение науки последних десятилетий, что может оградить научное сообщество от насильственной трансформации мировоззренческих установок ученого.

Сегодня философское сообщество говорит об активном развитии такого направления философского знания как философия истории, особенно в контексте понимания будущего России, поиска стратегических ориентиров развития страны, ее миссии в международном сообществе и в судьбах всего человечества. Во многом мы видим возрождение русской философской мысли конца XIX – начала XX веков. Когда думающая часть общества понимала всю опасность и бифуркационный потенциал исторического момента. Сегодня для России вопрос стоит еще острее: быть или не быть на исторической карте III тысячелетия?

Возможность остаться просто географической территорией при развитии в культуре и образовании идей постмодернистской, эклектичной, виртуально-гламурной и надценностной (креативности и лидерства) ориентации, прагматизма и безудержного потребления в контексте идеологии чувственного гедонизма и морального релятивизма, культивирование материальной выгоды любой ценой (как ловкость ума и умение жить паразитируя на тугодумах, которые не могут понять элементарных ответов на почти кантовскую триаду вопросов: кому, когда и сколько), полное снятие внутренних нравственных и моральных регуляторов личности и оценке ей самой своих поступков становится теоретической реальностью. И начало

ответа на этот вопрос может дать сегодня, и в том числе, историческое образование, в основе которого должна быть положена не лицемерная любовь, как писал А.С. Пушкин, к «отеческим гробам», к ценностям православия, к ответственной и нравственной взрослой жизни человека.

Переходя к культурносоциальной траектории истории российской государственности, которую в принципе невозможно понять вне контекста истории Русской православной церкви, отметим диалектический характер намеченного полипарадигмального подхода в исторической науке XXI века (духовные, социальные, экономические исторические линии развития истории того или иного социума требуют разных методологических установок в своих исследованиях). Это еще отметил А. Августин: вера и разум имеют разные предметы своего исследования; вера исследует духовное пространство, посредством Откровения, а разум - материальное посредством выявления природных и социальных законов их развития и спорить им не о чем, методы познания, которые эффективны в одной области или для одного предмета исследования, не подходят для другого. Область веры не исследуется разумом.

Духовно-нравственное воспитание, как и духовная традиция передаются из поколения в поколение – эта золотая цепь культуры и истории – это и суть исторического образования. Вслед ему красноречиво высказался Ф. Бекон, один из основателей европейской классической модели науки: малые, поверхностные знания отторгают Бога, глубокие – приближают и развивая эту логику добавил: знания – сила. Действительно, знание в контексте глубинного культурно-исторического становления личности человека огромная сила. И справедливо, еще через три столетия, продолжил эту мысль наш соотечественник М.К. Мамардашвили: ремесленники от науки самые опасные люди во всем человечестве, ибо разрушение, которое они несут, прикрывая свою псевдообразованность, и элементарную материальную выгоду красивым словом, не так очевидны для простецов как следствия простого невежества, оно способно разрушить и дестабилизировать не только любой научный поиск, но и культуру целого народа. В случае исторической науки, добавим – не на одно поколение. Феномен «недоучившегося ученого» глубоко раскрыт, пожалуй, в самой знаковой работе Эпохи Возрождения – Мишель Монтень «Опыты», к XVI веку трудно что-то добавить в понимании триумфа тупости, хитрости и полной продажности,

именно в разлагающихся социальных структурах понимаемых как высокий профессионализм и необходимые человеческие качества. Увы, историческая наука не может быть вне абсолютных координат добра и зла.

В философско-методологическом плане исторической науки XXI века хочется пожелать «царского» или, как говорят философы, «серединного пути», к которому из IV века до нашей эры нас призывает Сократ. А именно, диалектическое мышление не позволяет себе впадать в крайности, выходя на новый уровень осмысления проблемы, оно «снимает» их. В связи с выше изложенным, трудно согласится с рядом философских работ по методологии современного исторического знания в том, что происходит отрицание объективных законов исторического развития, роли философии и историософии в процессе исторического познания, т.е. апологетике гипертрофированного субъективизма. Диалектика и сегодня может выполнять свою методологическую роль, при условии ее «очищения» от материалистической и марксистско-ленинской идеологии. Потенциал диалектики для развития современного научного мышления в настоящее время, по нашему мнению, не реализован. Формулируя задачи современной науки, А.Я. Гуревич пишет: Историки провозглашают Декларацию независимости своего мастерства... история – наука не об общих законах, а о конкретном и индивидуальном. Акцент делается на единичном и неповторимом (1).

С философской точки зрения видится, что такой субъективизм является вполне адекватной реакцией на многолетнее господство вульгаризированной марксистской методологии, когда все историческое знание было не чем иным как политическим заказом. Ученый не отвергает необходимости знания историком философии, философии культуры, так как это может привести к банальной исторической эклектике, но настаивает на доминанте антропологического подхода, внимании к конкретному человеку, изучении ментальности, общества «изнутри» (иногда, для вывода научного самосознания из стагнации многими, стоящими на передних рубежах своей науки, учеными использовались подобные методологические крайности, скорее как гипотетические модели познания).

Действительно, самоценность и самодостаточность исторической антропологии важна, но данное методологическое направление требует глубокой интеграции и использования других наук о человеке

(психологии, культурологии, педагогики и т.д.), что ведет к использованию методов и подходов, характерных для перечисленных наук. Таким образом, помимо сохранения и развития диалектики объективного и субъективного в методологии современного исторического знания необходим междисциплинарный подход.

Подводя итог исследования философско-методологических аспектов кризиса исторической науки в XXI веке, можно констатировать, что «эпохальным вызовам» современные историки отвечают многообразием методологических подходов, отмечая самоценность каждого из них, ситуационность, взаимодополняемость и право выбора каждого ученого. Полипарадигмальная методология качественно расширяет исследовательские горизонты современной исторической науки.

Именно полипарадигмальная методология исторической науки позволяет осмыслять культурную и социальную перспективу истории российской государственности и культуры, образования и воспитания через освящающую миссию Русской православной церкви. Осмысление отечественной истории и культуры изначально (априори) включает в себе установку русского религиозного мирозерцания на постижение самых глубоких и сущностных основ человеческого бытия. Вопросы: кто мы, что с нами как народом происходит, к чему мы призваны, куда мы идем, то есть вопросы о смысле, начале и конце истории, о всеобщих началах и содержании человеческой культуры, об историческом призвании сначала Святой Руси, а позднее Великой России в мировом историческом процессе – все эти вопросы приобрели в начале III-го тысячелетия для исторической науки приоритетное значение.

Миссия церкви осуществлялась на фоне характерной преемственности русской истории. Каждый век в нашей отечественной истории имел свою судьбу, свои самобытные черты, свой неповторимый лик. Различные периоды нашей истории дают нам разные, непохожие один на другой образы Руси. Была Киевская и была Московская Русь; была Россия имперская и была Россия советская. Последний образ заключал в себе нравственный поединок православной ментальности народа с идеологией строителей «новой жизни». При всей парадоксальности «коммунистического» существования, при всей перевернутости представлений о ценностях, русская культура советского периода в почтительном молчании помнила о своей православной родословной, сохраняла свое величие

и достоинство и была в своей глубине, подобно «Тихому Дону», устремлена к человеку и человечности.

Наше историческое предчувствие русского возрождения III-го тысячелетия питается сознанием вековой причастности к мировоззренческим и культурным ценностям народов России.

1. См.: Гуревич А.Я. Двойная ответственность историка // Проблемы исторического познания. М., 1999. С. 18-19.

**Соколова Е.С.
(Екатеринбург)**

**Словная парадигма Российской истории:
взгляд из зарубежья**

Ускользящий образ прошлого, собранный из «осколков» разбитого зеркала истории, уже не одно десятилетие играет роль путеводной звезды в мире научного творчества для значительной части гуманитариев. Тенденция к выявлению антропологического контекста, в рамках которого создавался любой исторический источник, неизбежно выдвигает на повестку дня вопрос о степени методологической допустимости обобщающих теоретических конструкций структурно-функционального типа. Тяга позитивизма к моделированию априорных концептов системного характера в целях определения типологии того или иного социального явления, вызывает достаточно резкий протест со стороны той части ученого сообщества, которая стремится к отказу от схематизации социокультурных процессов, тщательно избегая увлечения дефинициями любого рода.

Относительная справедливость обозначенного подхода к интерпретации прошлого не вызывает сомнений. Научные сенсации, вызванные постмодернистским релятивизмом, уже имеют солидную временную традицию, насчитывая несколько десятков лет. Как в зарубежной, так и в отечественной историографии, тезис о том, что прошлое создается усилиями самих интеллектуалов, уже утратил свой эпатажный стиль на фоне отказа от восприятия исторической науки в качестве заброшенного музея древностей, покрытого паутиной времени.